

Мысль, ищущая воплощения в слове, еще одна особенность дарования Михаила Копьева. Живопись, стих, проза, рисунок — различные грани его творческого лица. Обогащая друг друга, они дают каждый раз новое представление о взгляде художника на идею, материал, время, позволяют полнее почувствовать его мировидение. Размышления, порой емкие, порой витиеватые, со «сдвигающимися» внутри смыслами, парадоксальные, но всегда искренние, сущностные для художника, представляют интерес и для зрителя.

«...В искусстве люблю некоторую традиционность. Потому что мы в любом случае имеем дело с продолжением того языка, который был до нас, и нужно все время подчеркнуто обращаться к вечному... Абстрактно я люблю даже самые крайние проявления в искусстве, но сам стараюсь остаться на консервативных позициях. Я хочу вписываться в среду, а не раздражать, поэтому приходится прижимать в некоторых работах и цвет, и лихость рисунка. Мне кажется, то, что я делаю, предполагает «негромкий разговор». Если хотите, понимайте это как мою концепцию».

Михаил Копьев — художник «не современный». Его искусство не эпатирует, не декларирует, не разрушает. «Авангардная идеология сопротивления» — это не его творческое кредо. В бесконечном лабиринте культуры XX века ему не досталось «изма». Он программно классичен: его безукоризненный рисунок заставляет вспомнить рисунки художников-классицистов, а образный строй, темы и сюжеты его картин отсылают нас к произведениям немецких романтиков и «живописным видениям» символистов. Его искусство — материализация художественной памяти. Сочетая в себе многостороннюю одаренность, склонность к философским размышлениям, тонкую ироничность, художник стал откровенным сторонником традиционного языка. Для него неоспоримо существование абсолютных художественных ценностей, которые всегда находят свое преломление в современности.

«Без главенства нематериального меня вообще ничего не интересует в искусстве. Ничего.»

«С детства я как-то понимаю до сего времени, что в этом мире «здравствуй!» — всегда и «прощай!». Это наполняло меня каким-то щемящим чувством какой-то другой природы, присущей миру. Я думаю, что надо утешаться тем, что обещает Евангелие, и только этим. Другого я не вижу и уверен — ничего другого нет.»

«Мне кажется, иной раз этому миру дано напомнить зримо о том, что было потеряно человеком в результате грехопадения. Почти непереносимой для восприятия силой дышит иной момент в природе, не всегда внешне эффектный. Опять двойственность. Почти непереносимость — чувство собственного ущерба. Но воспринял же! Это уже дает какую-то надежду.»

«Мы не знаем каким был языческий мир. Не знаем абсолютно. Сейчас каждая травинка — это травинка спасенного мира. Какие бы еще трагедии не предполагались, все равно спасенного. Языческий мир мы знаем как бы по инвентарной описи.»

По своему мироощущению художник пантеистичен. Для него мир реалий не способен существовать вне Духа, все является носителем божественного света. Видимо поэтому небо — один из ключевых образов. Не случайно художник отводит ему значительную часть композиции. Небо доминирует над героями его полотен, корректируя их бытие: общаются ли люди («Следы легенд») или молчат («Слушатели эха»), размышляют («Безмолвие») или прощают грехи («Возвращение блудного сына»). Небо всему придает значимость, как высший свидетель и судия.

Внутренняя ориентированность на вселенское не исключает внимания к частностям и деталям, что превращает многое увиденное в его картинах в узнаваемое, близкое.

«Я достаточно поздно, как мне кажется, понял, что то, что я пытаюсь все время сделать красками, карандашом и т. д., в большинстве случаев можно характеризовать как «заповедник». Не растений, не животных только, а всего.»

«Заповедность» — то, что надо сохранить, пронести через века (или оно само себя сохраняет) — моя тема.»

2 and 90.
Линия захватить ритм

Старики, дети, животные — те, кто населяет этот «заповедный» мир, самые загадочные существа в мироздании.

Дети в работах Копьева, как и на картинах немецкого художника-романтика Рунге, «прекрасны и загадочны, жители неведомых миров, у них бездонные глаза, они посвящены во многое, о чем уже забыли, если знали когда-то, обыкновенные зрители стоящие перед картинами...» (Берковский Н. Я.). Их лица не по-детски сосредоточенны, серьезны, иногда печальны. Старики, в какой бы ипостаси они ни выступали (мудрецы, философы, странники, воины), становятся теми, в ком дети обретают родственную душу, они находят в детях свое продолжение, их жизнь, мудрость, опыт «перетекают» в детские души. Смерть больше не страшит, жизнь непрерывна.

Мир стариков и детей духовно наполнен, лишен тривиального, это скорее мир художественной мечты и надежд. Отсутствие зла, искренность чувств, душевность и естественность — основа глубокой связи героев картин «Тебе принадлежащий мир», «Проходящий поезд». «Заповедное» пространство стариков и детей — это прежде всего этическое пространство, оно строится по законам добра.

Важным средством раскрытия состояния и настроения героев становится природа: то романтизированная, почти мистическая, с причудливыми рудиментами детских воспоминаний («Я иду искать»), то фантастическая и сказочная, словно иллюстрация детских снов и мечтаний («Осень»), то проникнутая тишиной и печалью, своеобразная пейзажная элегия («Сон после дождя»).

Энергия природы часто демонстрирует себя через образы животных: бизоны, как бы вырастающие из самой земли, олицетворение ее плоти («Безмолвие»), экзотические ламы, ритмичностью рисунка создающие впечатление причудливого орнамента, стройные белые журавли, как бы случайно сошедшие с роскошных восточных шелков и фарфоров («Осень»).

Художник обращается к чистому анималистическому жанру, создавая «портреты» животных в живописи и графическом искусстве.

ке. Он чувствует природную грациозность, красоту зверей, отчего линии его рисунков легки и певучи. Экзотичность животных еще больше усиливает ощущение заповедности, т.е. охраняемого и хранимого мира.

Характерной особенностью мировоззрения Михаила Копьева является историзм. Живописец наделен живым отношением к прошлому, поэтому самые неожиданные временные смещения в его картинах не кажутся странными. Прошлое параллельно настоящему, они смотрятся друг в друга, библейское время («У пересечения дорог») соседствует с национальной русской историей, часто в опозитизированном, былинном ее вариантах («Беседа полководцев»), а западноевропейское рыцарское средневековье — с тихим повествованием о сегодняшней деревне («Здравствуйте») или непарадной стороной жизни города («Старый город»).

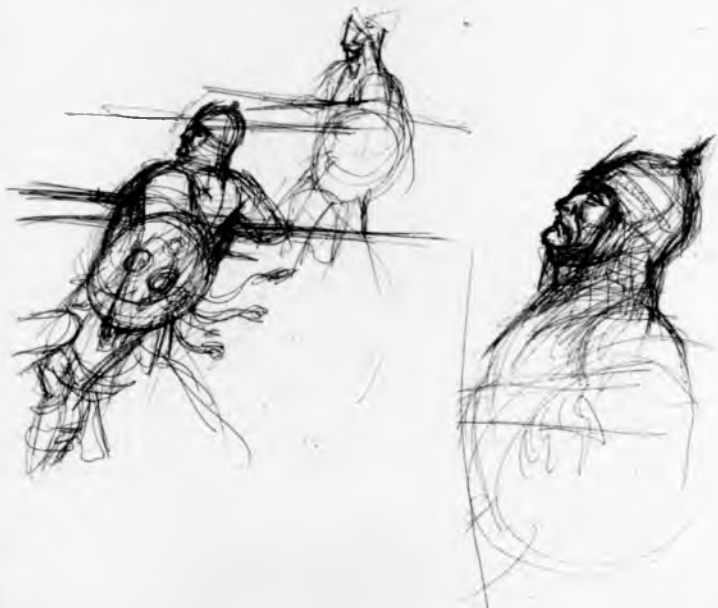
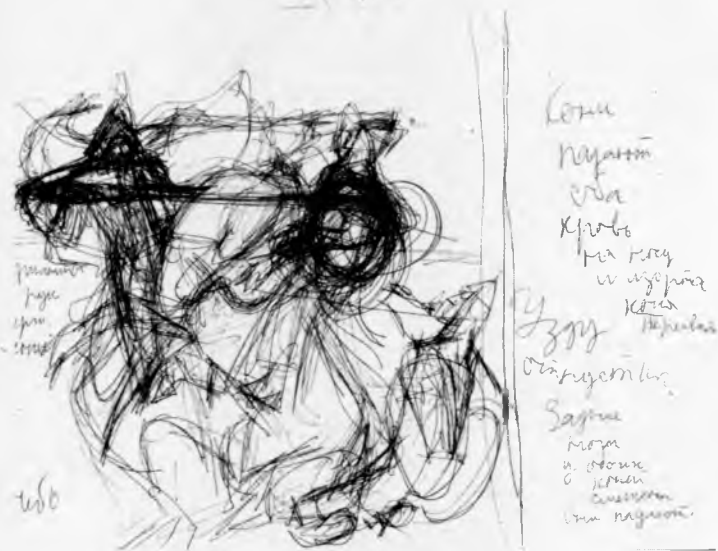
Художник часто сознательно нивелирует время, лишая свои работы временной определенности, поэтому старики в картине «Слушатели эха» воспринимаются одновременно как античные философы, библейские пророки, деревенские чудаки-мудрецы. Порой сюжетность не имеет рассказа, повествования, а значит движения во времени; есть другое, более важное: пауза, «разрыв». Сюрреалистической трактовке «Реквиема» приданы черты надвременного. Так вечны сами проблемы Зла и Добра, Жизни и Смерти, Звука и Тишины. Неважно, насколько соотносится творимое время и пространство с реальным хронотопом. Значимо само размышление, постановка проблемы общебытийного порядка. Поэтому любое частное, даже бытовое явление, увиденное глазами художника, перестает быть таковым в его искусстве, приобретая черты вневременного эпического откровения, значительного и важного как для создателя, так и для зрителей.

«Игра — доказательство и проявление силы жизни.»

«Сколько бы я не корпел над картинами, мне, конечно легче иметь контакт с публикой, веселя ее карикатурами, озорничая с сюжетом и всячески веселясь сам.»

«Эстетические упражнения интересны для меня только тогда, когда они сопряжены с хулиганством. Чистая эстетика для меня удручающе скучна и навевает усталость.»

Игровое в творчестве Копьева проявляет себя на разных уровнях: демонстрация возможностей интеллекта и эрудиции, способность посмотреть на идеи и вещи «отстраненно», открывая в них новые грани, связи, отношения (живопись), ирония, самоирония (шаржи, карикатуры). Нет предлагаемых правил, условий игры, есть магия игры, «импровизация в четыре руки» (художник — зритель) на обозначенную, но каждый раз по-новому прочитываемую тему. Смысл игры — в самой игре, в способности выстраивать ассоциативные ряды, видеть смысловые связи или их нарушения, оценить метафоричность, которая позволяет художнику разрушить рамки привычного, часто превращая искусство в мечту, фантазию. Самые невозможные на первый взгляд проекты Михаила Копьева: «Мне хотелось бы когда-нибудь сделать такое место в небольшом парке, где огромные причудливые инструменты играли бы от ветра» — находят свое воплощение — польский художник Владислав Хасиор создает монумент в Чердыни, орган, на котором играет ветер.

Кечемайкина В. А., искусствовед

«Мне всегда трудно говорить о своем творчестве, ибо всегда помнишь о том, что есть замыслы, и есть реальные результаты.»

Надо начать, придет легкость.
Это как жизнь, и как смерть... надо
только решиться. У всех так.
Начнут говорить, и сами собой
находятся мысли и слова, а потом
уже в собственных словах мы
найдем и тот город, и сад, вообще
может быть снова найдем все, и
ты не будешь больше чувствовать
себя сиротой.

Ионеско. «Стулья».